

УДК/UDC 140.8

Методологическая функция социальной философии в контексте основных исследовательских программ медико-философского знания: основания и трансформативный потенциал

Песоцкая Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания

Историко-социологический институт, Национальный исследовательский

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

г. Саранск, Россия

e-mail: sergera-office@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются место и роль философских оснований в содержании гуманитарных наук и естествознания, определяющих мировоззренческую и методологическую структуру этих наук. Современный рационализм представлен в качестве объяснительно-прогностического концепта. Показано его значение в сфере познания и новых технологий в период проникновения оценочного подхода в упорядоченный контекст естественно-технического, социального и медицинского знания через терминологическое заимствование с выраженным оценочным содержанием. Регулятивные принципы применяются как индивидуальные методологические «подсказки» в решении конкретных научных проблем в условиях ревизии научных стандартов, показано проблемное поле гуманитарного мышления и познания. Рационализация гуманитарности в период цифровизации гуманитарного знания служит в качестве ее аксиоматической характеристики, которая соединяется с контекстным духовно-историческим содержанием. Его философские основания охватывают методологические и социальные аспекты, интегративность, что значит объединение знаний о человеке и его сложной природе, полученных в разных областях познания.

Ключевые слова: социальная философия, методология, философские основания, гуманитарное знание, мировоззрение, наука, рациональность, традиция, культура,

субъект, оценка, мир жизни, естествознание, исследовательская программа, история, реальность, технологии.

The Methodological Function of Social Philosophy in the Context of the Basis Research Programs of the Medical and Philosophical Knowledge: Foundations and Transformative Potential

Pesotskaya Yelena Nikolayevna

Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural History

Historical and Sociological Institute, Ogarev Mordovia State University

Saransk, Russia

e-mail: cerera-office@mail.ru

Abstract

This article provides an overview of the place and role of philosophical foundations in the content of the humanities and natural science, which determine the worldview and methodological structure of these sciences. Modern rationalism is presented as an explanatory and prognostic concept. The author shows its importance in the field of cognition and new technologies during the period when the evaluation approach appeared in the orderly context of natural and technical, social, and medical knowledge through terminological borrowing with an expressed assessment content. Regulatory principles are applied as individual methodological “clues” in solving specific scientific problems in the context of auditing scientific standards; the problematic field of humanitarian thinking and cognition is shown. The rationalization of humanitarianism during the period of digitalization of humanitarian knowledge serves as its axiomatic characteristic, which connects to the contextual spiritual and historical content. Its philosophical foundations cover methodological and social aspects, integrativeness, which means combining knowledge of a man and his complex nature, obtained in different fields of cognition.

Key words: social philosophy, methodology, philosophical foundations, humanitarian knowledge, worldview, science, rationality, tradition, culture, subject, assessment, world of life, natural science, research program, history, reality, technology.

Гуманитарное познание взаимосвязано с философским познанием таким образом, что основанием их взаимодействия служит принцип конкретно-историчности, имеющий свой собственный потенциал, требующий самоосмысления (*Selbstbesinnung*) в аспекте его трансформативности. Продолжая традицию кантовской позитивной оценки конечности (*Endlichkeit*) бытия человека [1, с. 486–487], она аккумулирует методологический инструментарий оценки и анализа ее онтологического статуса, ценностей и отношений.

Гуманитарное знание и гуманитарная наука с XIX в. выходят в центр социально-философской проблематики, что преобразует философские представления о реальности [2, с. 124–125]. Преобразования, которые наиболее интенсивно наблюдаются до 1923 г. [3, с. 194–195], меняют мировое сообщество и, как следствие, общественно-исторические науки. Смена парадигмы гуманитарного знания в России [3] - «переход от мира науки к миру жизни» - затронул теоретическую философию [4, с. 7] и ее методологические основания. Философия гуманитарных наук выступает до настоящего времени незаконченной программой [4, с. 197].

Актуальность самоосмысления социально-философской проблематики с середины прошлого века выражается во влиянии неопозитивизма и сциентизма на гуманитарное познание, в связи с чем исследовательская программа гуманитарных наук и философии претерпевает обновление. Основания и когнитивная самостоятельность гуманитарности содействуют завершению ее образа в текущем историческом контексте. Анализ оснований философии гуманитарности возможен только согласно базовому принципу - принципу конкретной историчности познания и понимания [5].

Влияние философских оснований гуманитарных наук на обоснованность научных концепций связано с проявлением признаков их всеобщности и интегративности. Именно это объединяет знание о человеческой природе - полученное в естествознании и социогуманитарных науках.

Натуралистическая программа исследований с XVII в. играла системообразующую роль в нормировании научности, что происходило в соответствии с образцами естествознания, которое аналитико-синтетическим путем представило модель природы, общества и истории. Методология гуманитарности формировалась в контурах философии истории и в контурах социогуманитарного знания. Развитие гуманитарного знания в пространстве естественных наук представлено у М. Фуко. Здесь история расчленяется гуманитарными науками и интегрирует их одновременно. «История образует "среду" гуманитарных наук. . . » [6, с. 389]. Философией истории методологически разработана проблема целостности исторического процесса и роли диалектики в социальном познании. С XVI в. в социальные науки проникают в естественнонаучные для описания сложных системных объектов, в т. ч. человека; также здесь начинают активно применяться математические методы, что образует междисциплинарное поле их взаимодействия.

До начала XX в. в методологии гуманитарных наук в решении проблем социальных наук применялся натурализм-методология естественных наук, в связи с чем феномены социальной жизни объяснялись исключительно на основе природных закономерностей. Долгая ориентация методологии философии и науки на естествознание повлияла на формирование категорий, стратегию познания и логико-методологические исследования. Но культурологический план в категориальном аппарате не нашел достаточного отражения. Это аксиологические аспекты социальной жизни и деятельности личности, вопросы поиска смысла жизни и трансформации ментальности, нравственность и историзм. Это свидетельствовало о соотношении философского и гуманитарного знания, всеобщего и конкретного знания о человеке.

Социогуманитарное знание обращается к абстракциям и понятиям, фиксирующим аксиосферу когниции, структурность мировоззрения и многое другое.

Постижение исторической реальности посредством научного инструментария с начала прошлого века происходит в сравнительном со-

отнесении философско-методологических оснований исторического знания с естественнонаучным [3, 5]. Одновременно проявляется проблема признаков дифференциации научного познания по предмету и методу. Натурализм взаимодействует с формами позитивизма. Структурно-функциональный подход приближен к натуралистической программе, поскольку в социуме происходит проявление тех самых функциональных и структурных связей, что и в природной среде, но в то же время натурализм не обращается к методу понимания.

К началу XX в. кризис натурализма связан с осознанием различий природы и культуры, отличий природных и социальных объектов друг от друга [5, с. 290]. Культур-центристская исследовательская программа строится на различии культуры и природы как: «... социальный мир... теперь уподобляется субъекту, человеку» [5, с. 291].

Общий объект исследования, связывающий натуралистическую и культур-центристскую программы, становится основой их взаимной трансформации.

Аксиологический план гуманитарного знания рассматривается Г. Риккертом. Мыслитель указывает на его отличия от естествознания [7, с. 90–91] и на принцип ценности в анализе культурных процессов [7, с. 80–81]. Это послужило точкой отсчета для аксиологического принципа как методологического основания исследования человека и иных социокультурных феноменов.

М. Вебером, Х.-Г. Гадамером, Р. Дж. Коллингвудом, К. Поппером [8;9;10;11] разрабатывается методология исследования аксиологической плоскости социогуманитарного познания. Особенности методов социогуманитарных наук - их аксиологический аспект и ориентация их социальных оснований на качественную сторону реальности. Так, «науки о духе», «исторический мир» и «философия в ее истории» [3, с. 202] - суть основания философии гуманитарного знания. Исторический и систематический подходы содержат данные аспекты.

Термин «науки о духе» [12, с. 24–25] символизирует рефлексивный потенциал философии гуманитарных наук, человеческое са-

моосмысление. В. Дильтей, обозначив основания современной философии гуманитарных наук, понимает под этим термином всю область духовно-исторической реальности [13, с. 281–282], человеческие отношения и методы толкования событий, логику «человечески-общественно-исторического мира» [14, с. 3, 88]. Логика человеческих взаимодействий развивается по законам сложных самоорганизующихся открытых систем, описывающих явления случайности, неравновесности, нестабильности, что означает актуальное включение предмета гуманитарных наук в мир жизни посредством герменевтических понятий Дильтея: «переживание», «выражение», «понимание», образующих эмпирическое основание гуманитарности. По нашему мнению, категория «воспоминание» должна быть включена в этот ряд, поскольку «воспоминание человека о его собственном опыте образует фон всего нашего знания об обществе...» [15, с. 140]. Понимание как метод познания духовности обосновано Дильтеем для анализа эпохальных ценностей, ставшего методологическим инструментарием социогуманитарных наук. После этого культурцентристская программа исследований устанавливает концептуальные границы объяснения процессов и феноменов с последующим формированием концептуальных структур на базе принципа понимания.

Вопрос об историческом основании гуманитарного знания обретает свою актуальность в XX в., когда его эпистемологической средой становится история, которая вместе с другими дисциплинами образует культуры междисциплинарности. История исследует социум через тексты, и вполне способна «...рассматриваться как основание гуманитарного и всего научного знания, ведь основание часто ищут в прошлом (образ прошлого, который создает история - это и есть основание)» [16, с. 339].

Логика современных информационных технологий, истоки которых изначально коренятся в рациональности, не следует за логикой содержания сознания действующего субъекта, подчиняющегося в своей деятельности логике этого мира. Подчинение индивидуального мира логике сети Интернет активно формирует мотивированные интересы пользователя. Как новая область столкновения субъективности и одновременно

объект «бессубъективной эпистемологии» глобальная сеть в настоящее время определяет нормативно-ценностные черты субъектов сетевой активности. Осознание проблем ответственности, долженствования, сетевых угроз, рефлексивного отношения к системам ценностей и императивного поведения является междисциплинарной проблемой, расположенной в поле межгосударственного и международного сотрудничества. Интенсивные изменения статуса ценностей в современном социокультурном контексте, релятивизация и технизация их норм формируют у субъекта сознание пользователя со стратегическим отношением к реальности как к «иной», где рациональность присутствует как атрибут деятельности. Онтологический статус в этих условиях сохраняет только ценность личности самого субъекта, способного выстраивать основания собственной информационно-психологической безопасности на основе образованности и просвещенности в целях повышения собственного культурного уровня.

Обсуждение социальной проблематики современного техногенного общества в научной литературе [17–18] затрагивает вопросы технизации социальных практик и роли технологий, изменения систем ценностей и мировоззрения, самоорганизации техносферы, фрагментации коммуникации социальных субъектов, хранения информации в нейроструктурах памяти субъекта и многие другие.

Создание стратегий, основанных на инструментальном вмешательстве в реальность, когда вещи применяются в процессе человеческой деятельности целенаправленно и рационально, составляет сущность технологического развития. В медицине инструментальную функцию выполняет мировоззрение, алгоритмизирующее человеческий онтос. Историческое формирование мировоззрения человека прошло путь от мифологического восприятия через религиозную веру к философскому знанию. Соответственно, формирование основных исторических типов мировоззрения - мифологического, религиозного и философского - означает их применимость в качестве методов познания в медицине и понимание со-

ответствующего типа мировоззрения как инструмента лечебного воздействия во врачебной практике в определенные исторические периоды.

Мировоззрение можно рассматривать не только с позиций его содержания, которое является результатом отражения действительности в человеческом сознании, но и с позиции взаимосвязи знания о мире и о человеке как социальном субъекте. При данном подходе на первое место выходит значение знания для человеческой жизнедеятельности. Поэтому мировоззрение следует понимать не просто как систему обобщенных знаний о человеке и мире в целом, а как систему знаний, означающую для социального субъекта характерный для него способ понимания, видения, анализа и оценки явлений. Такая система определяет особенности отношения человека к миру и к себе, сознание целей и смысла жизни, характера поступков и действий. Оно и есть способ духовно-практического освоения мира. Подобное освоение для врача означает интеллектуальную ориентацию в сфере теоретического знания и одновременное овладение им профессионально-практическими навыками. В связи с этим применимы оперативные понятия «обыденного мировоззрения» и «врачебного мировоззрения».

Обыденным мировоззрением обозначается совокупность обыденных и стереотипных представлений о мире и механизмах его взаимодействия с человеком в разных сферах жизнедеятельности. Обыденное мировоззрение присуще человеку как биологическому объекту и субъекту определенной социальной среды. Оно непосредственно влияет на физиологические процессы в организме (механизмы адаптаций и пр.), реализующиеся в поведенческо-социальные, и имеет ряд свойств. В медицинском познании мировоззрение человека изучено в аспекте его физиологических проявлений: либо как компонента поддержания здоровья, либо как сферы приложения лечебного воздействия со стороны врача. Это характеризует его деятельную или инструментальную функцию как важнейшую в практическом отношении, тогда как модульности ее отводится ряд отдельных исследований [19].

Сущностью мировоззрения является совокупность информационных взаимосвязей организма со средой (психогенно обусловленная взаимосвязь внутреннего и внешнего мира). Это означает представление о мировоззрении как системе координат, помогающей человеку ориентироваться во внешнем и внутреннем мире и эффективно обрабатывать жизненно важную информацию. Кроме того, мировоззрение обладает и физиологическим потенциалом. В психоанализе хорошо показана значимость для жизнедеятельности человека его жизненного плана, предопределяющего индивидуальное развитие и бытие. Мировоззрение понимается еще и как «устойчивая совокупность принципов и алгоритмов обработки информации об окружающем мире» [20, с. 53].

Свойствами обыденного мировоззрения являются косность, низкая пластичность, авторитарность. Мировоззренческие аспекты жизнедеятельности как социально значимые изучаются все более углубленно: с середины 80-х гг. XX в. Г. И. Царегородцевым введено понятие информационного гомеостаза для обозначения информационной природы высшего чувства ориентирования. Болезнетворное влияние мировоззрения с последующим преобразованием эффекта в соматические или психические болезни проявляется достаточно часто. Сюда относится разрушение религиозных, научных и идеологических систем, изменение статуса государств, последствия распада империй, проигранных войн, изменений государственного устройства, а также психосоматические явления, связанные с верой, табуированием, совестью и долгом, восприятием смерти, неполноценности, изменением социального положения. Мировоззренчески обусловленные заболевания разделяются на три группы. Первая группа связана с разрушением самой мировоззренческой системы и затрагивает достаточно большие массы людей. В качестве примера можно привести Россию с конца XIX в. Вторая группа связана с ситуациями по совершению действий, запрещенных в поле данной мировоззренческой системы. Сюда относятся, например, нарушение табу, долга, предательство и прочие обстоятельства, в результате которых мировоззрение превращается в болезнетворный, «карающий» фактор. Третья группа

связана с чрезмерностью «вживления» в действующее мировоззрение, в результате чего оно оказывает прямое болезнетворное действие (формы религиозной истерии и др.) [20, с. 54].

«Врачебное мировоззрение»- основа клинического мышления. Термин охватывает целостную совокупность представлений, используемых в профессиональной лечебной деятельности. Настоящий комплекс объединяет представления о сущности, механизмах развития болезни, механизмах реализации лечебного эффекта в пределах картины мира, доступной при коммуникации врача и больного. Врачебное мировоззрение служит непосредственным и значимым инструментом лечебного воздействия на организм больного посредством слова и информации в системе ее распознавания и восприятия [20, с. 56]. Для философского исследования инструментальности ключевым моментом является то, что «вещи используются в процессе человеческой деятельности для управления нашей жизнью и для контроля над окружающей средой» [17, с. 102–103]. В связи с этим в социально-философском контексте впервые обозначены инструментальное и производственное измерения технологий [17] в целях объединения философско-методологических ориентиров соответственно рациональным основаниям традиции инструментального и производительного подходов. В условиях активной замены физикалистского мышления на цифровое [21, с. 229] анализ инструментальной сути технологий, истоков техногенного общества, формирующего глобальную техносферу, и коммуникации субъектов ведет к оценкам виртуальной реальности и ее структур, а не реальности природной, и человека как над органической ее части.

Рациональность и ее основания в медицине обеспечиваются стабильностью исходной когнитивной конструкции, которая лежит в основе конкретного направления медицины.

Устойчивость совокупной архитектоники мировоззренческой концепции выступает в медицине как высшая ценность, превосходящая ценности гносеологического ряда. Высокий же ценностный аспект идеологии подтверждает тезис о том, что овладение миром (его внутренней,

физиологической составляющей) осуществляется, протекает как через процесс познания, так и за счет других механизмов.

Мы разделяем теоретико-методологическое положение об организме как о диссипативной структуре, в физиологическом состоянии находящейся в пределах детерминистической фазы, а в состоянии болезни приближающейся к процессу флуктуации [20, с. 101]. В условиях «слабой детерминации» аспект медицины в качестве искусства по своей познавательной и деятельной активности становится не менее значимым, чем ее научная ипостась [20]. Это означает, что медицинское мировоззрение применительно к познавательной, исследовательской деятельности должно быть научным, а применительно к практике – более соответствующим потребностям творческой деятельности как акта терапии. Кроме того, лечение является субъект-субъектным процессом, в котором мировоззрение играет понятийную роль, выступая как инструмент коммуникации, по отношению к которому представление о научности и гуманитарности приобретает особый смысл.

Очевидна и актуальность принципа взаимодополнительности рационального подхода иррациональным, о чем свидетельствуют выводы представителей современной философии науки [22, с. 53–54] в рассмотрении объяснительной стороны развития научного знания [23, с. 236] в период внедрения новых биотехнологий, опережающих развитие фундаментальной науки.

Таким образом, мировоззренческие, философские основания гуманитарных наук объединили совокупность фундаментальных принципов, отражающих важнейшие стороны всей субъективной (мир человека) и объективной (мир жизни) реальности. Понимание логики развития этой реальности предполагает рациональное методологическое применение категории синергетического подхода, признающего стохастические процессы и неоднонаправленность исторического будущего. В русле данного подхода выявляется объяснительная, поисковая и трансформативная способность основных исследовательских программ – натуралистической и культур-центристской, а также источник движения методо-

логии гуманитарного знания, заложенный в их противоречивости. Современный рационализм выступает и оценивается как «объяснительно-прогностический концепт в сфере новых технологий в период, когда осуществляется проникновение оценочного подхода в упорядоченный контекст естественно-технического и медицинского знания через терминологическое заимствование с выраженным "оценочным содержанием...использование регулятивных принципов, которые присутствуют в индивидуальном сознании как эвристические указатели и предписания, принимающие участие в мысленном конструировании познаваемых объектов» [23, с. 237–238]. Обладая различной степенью общности, регулятивные принципы действуют как «индивидуальные подсказки» [24, с. 64–79] в решении конкретных научных проблем в условиях ревизии привычных научных стандартов и появлении новых интерпретаций, приближающих к более ясному и полному познанию действительности [23, с. 238]. Поэтому именно равномерность рационализации гуманитарности в период цифровизации последней способна выступить в качестве ее аксиоматической характеристики.

Инструментальное измерение медицинских технологий исследуется в направлении особенностей познания природы высшего чувства ориентирования деятельно-активного социального субъекта [25], оснований его ценностей [26] и мировоззрения, в котором изучение информационной природы когнитивных процессов занимает одно из ведущих мест.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
2. Апель К. О. Трансформация философии / Пер. с нем. под ред. В. Куренного. М.: Логос, 2001. 339 с.
3. Махлин В. Л. Философия гуманитарных наук // Философия науки. Методология и история конкретных наук / Под ред. Т. Г. Щедриной. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. С. 194–220.
4. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 366 с.

5. Федотова В. Г. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук // *Философия науки. Методология и история конкретных наук* / Под ред. Т. Г. Щедриной. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. С. 285–305.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. под ред. А. Ф. Зотова. М.: Республика, 1998.
8. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. под общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. под общ. ред. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
10. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
11. Поппер К. Открытое общество и его враги / Пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Международный Фонд «Культ. инициатива», 1992. 525 с.
12. Bodammer, T. Philosophie der Geisteswissenschaften. Freiburg; Munchen: Alber, 1987. 312 p.
13. Дильтей В. Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. В. С. Малахова. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270–730.
14. Dilthey, W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Gesammelte Schriften: Bd. VII. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 381 p.
15. Розеншток-Хюсси О. Прощание с Декартом // *Вопросы философии*. 1997. № 8. С. 139–144.
16. Вышегородцева О. В., Счастливец Р. А. Философия и методология истории // *Философия науки. Методология и история конкретных наук* / Под ред. Т. Г. Щедриной. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. С. 326–380.
17. Пелевин С. И. Роль развития технологий в становлении современного общества как техногенной цивилизации // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2018. Том 7. № 6А. С. 101–108.
18. Pelevin, S. I., Taubaev, B. D., Baklanov, I. S. Problem of Technogenic Society Dynamics under the Conditions of Contemporaneity // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2018. Vol. 9. No. 11. Pp. 2437–2443.
19. McNamara P. The Neuroscience of Religious Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 318 p.
20. Слесарев В. О. Теория и методология модели философского обеспечения практической медицины. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1998. 200 с.

21. Бажанов В. А. Мозг — культура — социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2019. 288 с.
22. Мойсеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 480 с.
23. Hamnet В., Навроцкий Б. А. История науки и история рационализма: любовь и предательство // *Философские проблемы биологии и медицины: Феномен биорациональности*. Вып. 13. М.: Ленанд, 2019. С. 235–238.
24. Навроцкий Б. А. *Методология научных исследований*. Волгоград: Изд-во ВолгГТУ. 2019. 84 с.
25. Rusinova, M. *Reflectional Conference on Research // 5th International Conference on Research in Humanities, Sociology and Education RHSCE'16: November 29–30, London, United Kingdom*. London, 2016. Pp. 90–91.
26. Mathews, D. J. H., Bok, H. *Brain Research and Cognition // Handbook of Neuroethics / J. Clausen, N. Levy (eds.)*; Heidelberg; New York; London: Springer, 2015. Pp. 1151–1166.

References

1. Kant, I. *Critique of Pure Reason*. Moscow: Mysl, 1994. 591 p.
2. Apel, K. O. *Transformation of Philosophy / Translation from German edited by V. Kurennoy*. Moscow: Logos, 2001. 333 p.
3. Makhlin, V. L. *Philosophy of Humanities // Philosophy of Science. Methodology and History of Specific Sciences / T. G. Shchedrina (ed.)*. Moscow: Kanon +; ROOI Reabilitatsiya, 2007. Pp. 194–220.
4. Gadamer, H.-G. *The Relevance of the Beautiful*. Moscow: Iskusstvo, 1991. 366 p.
5. Fedotova, V. P. *The Main Research Programs of the Social Sciences and Humanities // Philosophy of Science. Methodology and History of Specific Sciences / T. G. Shchedrina (ed.)*. Moscow: Kanon +; ROOI Reabilitatsiya, 2007. Pp. 285–305.
6. Foucault, M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. St. Petersburg: A-cad, 1994. 408 p.
7. Rickert, H. *Science and History: A Critique of Positivist Epistemology / Translation from German edited by A. F. Zotov*. Moscow: Respublika, 1998.
8. Weber, M. *Selected Works / Translation from German edited by Yu. N. Davydov*. Moscow: Progress, 1990. 804 p.
9. Gadamer, H.-G. *Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics / Translation from German edited by B. N. Bessonov*. Moscow: Progress, 1988. 704 p.
10. Collingwood, R. J. *The Idea of History*. Moscow: Nauka, 1980. 485 p.

11. Popper, K. *Open Society and Its Enemies* / Translatiton from English edited by V. N. Sadovskiy. Vol. 2: *The Time of the False Prophets: Hegel, Marx, and Other Oracles*. Moscow: Kulturnaya initsiativa, 1992. 525 p.
12. Bodammer, T. *Philosophie der Geisteswissenschaften*. Freiburg; Munchen: Alber, 1987. 312 s.
13. Dilthey, W. *Introduction to the Human Sciences: An Attempt to Lay a Foundations for the Study of Society and History* / Translated from German V. S. Malakhov. Vol. 1. Moscow: Dom intellektualnoy knigi, 2000. Pp. 270–730.
14. Dilthey, W. *Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Gesammelte Schriften: Bd. VII*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. 381 S.
15. Rosenstock-Huessy E. *Farewell to Descartes* // *Questions of Philosophy*. 1997. No. 8. Pp. 139–144.
16. Vyshegorodtseva, O. V., Schastlivtsev, R. A. *Philosophy and Methodology of History* // *Philosophy of Science. Methodology and History of Specific Sciences* / T. G. Shchedrina (ed.). Moscow: Kanon +; ROOI Reabilitatsiya, 2007. Pp. 326–380.
17. Pelevin, S. I. *Role of Development of Technologies in Formation of Modern Society as Technogenic Civilization* // *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being* // 2018. Vol. 7. No. 6A. Pp. 101–108.
18. Pelevin, S. I., Taubaev, B. D., Baklanov, I. S. *Problem of Technogenic Society Dynamics under the Conditions of Contemporaneity* // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2018. Vol. 9. No. 11. Pp. 2437–2443.
19. McNamara P. *The Neuroscience of Religious Experience*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 318 p.
20. Slesarev, V. O. *Theory and Methodology of the Model of Philosophical Support of Practical Medicine*. Saransk: Krasnyy oktyabr, 1998. 200 p.
21. Bazhanov, V. A. *Brain—Culture—Society: The Kantian Program in Cognitive Research*. Moscow: Kanon +; ROOI Reabilitatsiya, 2019. 288 p.
22. Moiseyev, N. N. *Farewell to Simplicity*. Moscow: Agraf, 1998. 480 p.
23. Hamnett B., Navrotskiy, B. A. *The History of Science and the History of Rationalism: Love and Betrayal* // *Philosophical Problems of Biology and Medicine: The Phenomenon of Biorationality*. Vol. 13. Moscow: Lenand, 2019. Pp. 235–238.
24. Navrotskiy, B. A. *Research Methodology*. Volgograd: Volgograd State Technical University. 2019. 84 p.
25. Rusinova, M. *Reflectional Conference on Research* // 5th International Conference on Research in Humanities, Sociology and Education RHSCE'16: November 29–30, London, United Kingdom. London, 2016. Pp. 90–91.

26. Mathews, D. J. H., Bok, H. Brain Research and Cognition // Handbook of Neuroethics / J. Clausen, N. Levy (eds.); Heidelberg; New York; London: Springer, 2015. Pp. 1151–1166.